

ГОРДОСТЬ КУЙБЫШЕВСКОЙ СЦЕНЫ

ГЕОРГИЙ Александрович Шебуев, которому исполнилось бы завтра 90 лет, принадлежал к актерам того поколения, которые начав свою профессиональную работу в предреволюционные годы, стали живым мостиком, перекинутым из старого русского демократического искусства в бурлящую новь революционной России. Новый советский театр создавался на его глазах и при его участии. Всю свою энергию и талант, всю свою веру в великую миссию искусства, в театр, способный стать трибуной передовой общественной мысли, он щедро вложил в свое творчество — в артистическую, общественную, педагогическую деятельность.

На куйбышевской сцене играло немало больших актеров,

но далеко не каждый из них сумел стать самой частицей этого театра, его плотью и кровью...

В Самаре в 1910 году впервые вышел Г. А. Шебуев на сцену, почти тридцать лет беспрерывно проработал он в Куйбышевском драматическом, который назывался тогда «академическим», но уже имел своих «академиков».

Одним из них был Г. А. Шебуев. Связав свою судьбу с нашим театром — театром психологической драмы, следуя заветам Станиславского, он по пути дела сам до конца своих дней составлял и утверждал идеально-художественный «устав» этого театра, ставшего одним из серьезнейших и блестательных российских театров.

Зрители моего поколения до

сих пор как-то странно считают Г. А. Шебуева старым актером. Пришедшие впервые в театр в послевоенные годы, мы в общем-то мало знали о славе этого актера, но не могли не поддаться обаянию тех спектаклей, где царил Г. А. Шебуев. Генерал Рейтв в «Крепости на Волге», Часовщик в «Кремлевских курантах», Стесцель в «Порт-Артуре», Колонельников в «Персональном деле», князь К. в «Дядюшкин сне»...

Это был актер не просто убедительный, не просто живой и своеобразный, при его игре мы присутствовали при рождении какой-то тайны — важной и неотложной. Потом рецензенты формулируют это состояние так: «сценическое воплощение жизни человеческого духа»...

Увы, только позднее мы поняли, что видели только часть актера, той глыбы, которую представлял собой этот актер, сыгравший галерею героев русской классики, горьковской драматургии — Протасова, Цыганова, Захара Бардина, Барона, Хеверна. Размышляя сейчас над этим бесконечным списком ролей, я думаю, что актер Г. А. Шебуев обладал замечательнейшей особенностью: познав тайны жизни и тайны искусства, он добровольно сделал себя средоточием двух этих великих начал.

Вот почему его так любили и зрители и актеры.

И еще, очень важное. Он всегда был борец и воспитатель. Борец за высокое предназначение искусства, за великие традиции русского реалистического театра.

В последние годы его жизни мы были с ним дружны и тепло сотрудничали на ниве театральной критики. Г. А. Шебуев был в ту пору патриар-

хом театра, общепризнанным авторитетом. Но никогда не считал зазорным позвонить на утро своему коллеге-мальчишке, опубликовавшему рецензию, отчитать за легкомысленный пассаж, похвалить за удачное наблюдение...

До последних дней жизни он внимательно следил за театральной жизнью, следил не по мелочам, по важнейшим и глубинным процессам, высказывался остро, бескомпромиссно. У меня хранится газетная вырезка — последняя статья Г. А. Шебуева «Осторожно, формализм», вызвавшая в свое время бурные споры. Сейчас она представляется мне творческим завещанием актера, который понимал театр как университет народной жизни, область, в которой все — жизнь человеческого духа, и ничто — развлекательность и формалистические фокусы...

Артист Г. А. Шебуев на этом стоял всю жизнь.

Е. ЖОГОЛЕВ.

СЛОВО ОБ АРТИСТЕ

И. КОЗЛОВСКИЙ.
Народный артист СССР.

Артист. Это слово применяется ко всем тем, кто блестательно свой труд ведет. Это по отношению ко всем профессиям. Но в искусстве, театре, это и определение профессии.

«Это настоящий артист. Он служил и в столице и на периферии, и там и там. Это артист, который влияет на кассу, на сборы», — так говорили в сезон 1924 — 1925 года в Екатеринбурге — Свердловске о Жорже — Георгии Александровиче Ше-

буве, драматическом артисте.

Он легко мог бы быть музыкальным критиком. Музыку он знал не только по слуху. Главное — как он ее

театра, дирижер Ю. Файер. С больничным листом появляется Шебуев. Верно, он был болен, но не мог не явиться на концерт, который вызывал интерес и творческий и гражданский. Часто появлялись его рецензии на оперные спектакли или концерты. Разговор шел высокопрофессиональный. Шебуев знал предмет и знал, о чем он пишет.

Шебуев мог играть Городничего и через день — Хлестакова. И слышалось: «Вот это артист!»

Я его знал полвека. Он поражал знаниями, и они были разносторонние. Поверхностное щегольство здесь отсутствовало.

Он знал предмет, начиная от братьев Коклен, корифеев французского театра. Он многое говорил о Шепкине и Гоголе такого, что думалось: откуда у него эти сведения и знания?! Он имел успех и не только у публики. Он имел признание у своих коллег, говорившей.

Удивительный он друг и товарищ! Сидя далеко в зрительном зале, мог заметить, что в «Севильском цирюльнике» граф Альмавива с бархатными бровями. А это действительно было так — брови были вырезаны из бархата и приклеены.

* Речь идет о концерте самого И. С. Козловского (Прим. ред.).

«Слушай, у тебя здорово получается тут каденция, а Ансельми это делал по-другому» и тут же начинал напевать. (Ансельми — знаменитый итальянский певец, танцов, вошел в искусство как гастролер-скрипач, потом перешел на стезю пения).

Было одно яркое качество в характере Георгия Александровича Шебуева — необычайная любознательность. Это не последнее качество в искусстве.

Житейские годы его никогда не отягощали, но как он успевал быть на симфоническом концерте, прибежать на последний акт «Ромео» или «Фауста», когда сам в этот вечер играл в драматическом спектакле?

Двигало им не любопытство, а любознательность. Оттого он был профессионалом среди музыкантов, певцов, драматургов, историков и своих коллег — драматических артистов.

Голубые глаза, вечно изучающие собеседника, учтивость и ласковость приковывали к нему повышенный интерес дев младых и в возрасте. Если зеркало висело в любом месте, он обязательно посмотрит... У него был нос «римско-католический», как мы ему говорили. Он улыбался: «Я с ним при-

мился, но ради Городничего согласен сделать операцию». Шутка? И да и нет. Он жертвовал многим ради искусства, ради театра. Он был студентом, вот-вот должен был окончить... Помните в «Лесе» диалог Счастливцева и Несчастливцева — «теперь на театре много образованных артистов, и чего они лезут?».

А они лезли потому, что в театре они видели кафедру для проповедования высокой морали, истины, чтобы общество, обновляясь, построило жизнь на земле гармоничную, справедливую.

Шебуев всю жизнь — артист. Он мог бы быть звездитом, директором, но был артистом. Он знал и познал многих антрепренеров. Многие от него удирали, но многие и стремились его заполучить.

Его мысли, его записки являются подтверждением мысли «но не хочу, о други, умирать, я жить хочу, чтобы мыслить и страдать», а также и мысли Чехова о том, что будет принимать участие в жизни и после того, как его не станет. И он принимает это участие...

Те, кто его знал, говорят: «А Шебуев это сделал бы так» или «Шебуев это оценил бы так...»

Если и это может показать

ся не столь значительным, то надо вспомнить и представить себе тысячи и тысячи людей, которые ушли взволнованными, облагороженными теми спектаклями, в которых принимал участие Шебуев. И если мы его помним — значит он живет сегодня, а именно этому — жизни — он посвятил себя.

Завтрак ему исполнилось бы 90 лет.

Если бы он был, он бы кисло-обиженно-недоволен, голосом мнимобольного сказал бы: «Понимаешь, надо играть. Плохо — не хочу, а хорошо — надо подготовиться и постараться и для себя и для горячо любимой аудитории». А в душе радовался бы, что он будет играть в любимом театре...

Наш долг — допеть, договорить о нем.

О его общественных должностях, наградах — расскажут.

Я лично счастлив, что на моем пути встретился многосторонний, животрепещущий Жорже Шебуев — замечательный артист и человек Георгий Александрович Шебуев.

Вспомнить ушедших — наш долг.

Ныне здравствующим желаю радости в искусстве, а значит, и в жизни.